

Юньхуа так и остался стоять на месте, его лицо мрачнело по мере того, как в душе разгоралось беспокойство. Он долго взвешивал все за и против, но в конце концов тревога пересилила. Сстиснув зубы, бессмертный владыка решительно развернулся и направился к выходу, намереваясь лично спуститься в мир смертных и все разузнать.

Вдруг на его плечо легла бледная, лишенная жизни ладонь — бесшумно, словно соткавшись из воздуха.

— Бессмертный владыка Юньхуа, неужто ты вознамерился нарушить запрет и спуститься к смертным?

Ровный, лишенный всяких интонаций голос раздался у самого уха. Генерал вздрогнул, волосы на его теле встали дыбом, а по спине прошиб холодный пот.

Кто это?! Как можно было подобраться к нему настолько незаметно?

Он резко обернулся. Перед ним стоял юноша лет семнадцати-восемнадцати в глухом черном одеянии. Длинные, ничем не стянутые волосы свободно ниспадали на плечи, лицо отливало мертвенной бледностью, а темные глаза смотрели в упор — холодно и отрешенно.

Бог весть, как долго этот незванный гость стоял у него за спиной.

Однако, узнав пришельца, Юньхуа облегченно выдохнул и с легким упреком в голосе спросил:

— Бессмертный владыка Цюмин, когда ты здесь появился?

Юноша никак не отреагировал на укоризну. Он лишь безучастно перевел взгляд на лежащие на полу ножны. Его взор казался отрешенным, а голос звучал бесстрастно:

— Владыка действительно собирается в мир смертных?

Цюмин на мгновение смолк, после чего ровно добавил, напоминая:

— Еще тысячу лет назад отец ясно дал понять: без его дозволения ступать на землю смертных запрещено.

Ледяной, застывший... в нем не было ни капли тепла, присущего живым существам.

Сколько бы Юньхуа ни сталкивался с этим юношей, он никак не мог привыкнуть к веющей от него замогильной стуже. И все же в мире бессмертных статус пришельца был столь высок, что даже божественный генерал не смел выказывать ему непочтение.

Этого юношу звали Цю Мин, и он приходился приемным сыном самому Бессмертному почтенному.

Однако, несмотря на столь высокое положение Цю Мина, большинство обитателей небесных чертогов предпочитали держаться от него подальше, платя ему ледяным равнодушием.

Причина крылась в том, что хоть он и был воспитанником верховного владыки, но к человеческому роду не имел никакого отношения. Более того, он вообще не принадлежал к созданиям, рожденным в мире смертных.

После великой войны, прогремевшей тысячу лет назад, Бессмертный почтенный принес этого чистокровного выходца из Царства Преисподней в своих руках; в его жилах не текло ни капли человеческой крови.

Обитатели Преисподней рождались в темных водах Реки Преисподней. Сама их природа была пропитана дыханием увядания и тлена. Любое живое создание — будь то человек, небожитель, демон или дух-яо — на инстинктивном уровне испытывало отторжение к этой ауре смерти.

Никто не понимал, почему почтенный владыка настоял на усыновлении этого дитя бездны, но врожденную неприязнь небожителей преодолеть было невозможно.

Цю Мин прекрасно видел стену отчуждения, которой его окружили. Став старше, он попросту наплевал на правила и наставления праведных небожителей. Юноша сбросил белоснежные одежды бессмертных и облачился в излюбленный в Преисподней траурный черный цвет, позволив длинным прядям свободно рассыпаться по плечам. Теперь он выглядел точь-в-точь как истинный порожденец темного царства.

После этого, сколько бы почтения небожители ни питали к своему владыке, сдерживать брезгливость при виде его приемаши они уже не могли.

«Одеться в черное с головы до пят — какое убожество! — сокрушались небожители. — И это эстетика Преисподней... Тьфу! То ли дело наши чертоги, сияющие девственной белизной. Вот она, истинная красота!»

Впрочем, косые взгляды челяди никак не умаляли той благосклонности, которую выказывал воспитаннику Бессмертный почтенный. Особливо в последние столетия, когда верховный владыка все глубже погружался в созерцание Пути Безжалостности, становясь все более бесстрастным и отрешенным. Те крупницы чувств, что еще теплились в его остывающей душе, он без остатка отдавал приемному сыну.

Так что положение Цю Мина в высших чертогах оставалось незыблемым.

Но сейчас, когда тучи сгущались, а Юньхуа сгорал от тревоги за владыку, его тон в разговоре с

Цю Мином сделался резким, почти грубым:

— Бессмертный владыка Цюмин, известно ли тебе, где сейчас почтенный?..

— Известно, — ровно оборвал его юноша.

Юньхуа поперхнулся от такой бесцеремонности и, насупившись, переспросил:

— Тебе правда ведомо, где находится Бессмертный почтенный?

— Знаю. И твои подозрения, генерал, верны, — Цю Мин по-прежнему напоминал стоячую воду в глубоком колодце. Он неторопливо наклонился, поднял с пола ножны и добавил: — Отец действительно спустился в мир смертных.

— Держи это в тайне. Ни одна живая душа не должна узнать об уходе отца. Спрашивающим отвечай, что он уединился в затворе, дабы постичь сокровенные тайны Великого Дао, — он даже не взглянул на собеседника, бережно принял ножны обеими руками и уложил их рядом с Мечом Великого Небытия.

Однако Юньхуа пропустил его наставления мимо ушей. Он во все глаза смотрел на юношу, силясь разгадать эту загадку:

— Это не поддается логике. Зачем Бессмертному почтенному понадобилось идти к смертным? И отчего он запретил нам следовать за ним?

— Кое-кто присмотрит за ним... Но этим кем-то не можешь быть ни ты, ни я, — Цю Мин отпустил ножны, протянул руку и уверенным движением закрепил Меч Великого Небытия у себя на поясе.

Генерал опешил от подобной дерзости. Он рванулся вперед и перехватил запястье юноши:

— Да что ты творишь?! Это же личное оружие Бессмертного почтенного! Им нельзя баловаться!

Цю Мин посмотрел на его встревоженное лицо, моргнул, и на его бледной, точно маска, физиономии наконец проступило подобие эмоций — тонкие губы изогнулись в легкой, насмешливой улыбке.

— Собрание Шести Царств не за горами. Почтенный отец отсутствует, а значит, я обязан явиться туда вместо него, взяв с собой Меч Великого Небытия.

Юньхуа нахмурился еще сильнее, его брови сошлись у переносицы. Он принялся настойчиво, как неразумному ребенку, втолковывать юноше:

— Опомнись! На Собрание Шести Царств являются лишь владыки миров. Твои силы слишком ничтожны, ты там будешь лишь обузой. Если на пиршестве вспыхнет ссора и повелители скрестят оружие, ты даже защитить себя не сумеешь! А ведь подобные побоища на Собраниях случались уже не раз. В конце концов, это всего лишь совет. С мощью нашего царства и неоспоримым авторитетом Бессмертного почтенного мы вполне можем пропустить пару таких сборищ, никто и слова не скажет.

Видя, что генерал говорит искренне, без издевки, и действительно тревожится за его жизнь, Цю Мин ощутил мимолетное веселье.

— Пустяки, — бросил он. — Можешь не беспокоиться. На этом Собрании... не будет никого, кто мог бы составить мне угрозу.

Прежний Владыка демонов пал от меча Бессмертного почтенного еще тысячу лет назад, и с тех пор в Царстве Древних Демонов не утихали междоусобицы — они так и не смогли избрать правителя, которого признали бы все кланы.

Прародитель демонов-яо из Царства Божественных Демонов был тяжело ранен; его былая мощь иссякла, и теперь ему приходилось денно и ночно следить за собственными приближенными, готовыми в любой миг вонзить нож в спину. Последние годы он влачил довольно жалкое существование.

Из этих двух миров никто из законных повелителей не явится. Пришлют лишь случайных посланников, которых не жалко отдать на убой.

Что же касается мира смертных, тамошние заклинатели заперты в границах своего крошечного мирка уже столько веков, что давно позабыли о существовании иных сфер. О Собрании Шести Царств они и слыхом не слыхивали, так что от них гостей ждать не приходится.

Реальную опасность для воинства бессмертных представляют лишь Царство Хаоса и Царство Преисподней.

Но что до последнего... его владыка точно не явится.

При этой мысли Цю Мин глубоко вздохнул, сжал рукоять Меча Великого Небытия и решительно зашагал к выходу.

Единственное, ради чего он отправлялся на это сборище, — присматривать за Богом Хаоса.

Цю Мин ушел стремительно, не проронив больше ни слова, так что генерал Юньхуа даже не успел заметить, как растаял вдаль подол его черного одеяния. Поколебавшись мгновение, Юньхуа решился. Стиснув зубы, он последовал за ним, обратившись в яркий луч божественного света, устремившийся вслед за юношей.

В опустевшей обители на почетном месте остались лежать лишь узкие темные ножны, сиротливо заменяя собой Меч Великого Небытия.

Мир заклинателей, Орден Великого Небытия

Городок Безмятежности когда-то был ничем не примечательным поселением. Однако благодаря тому, что он раскинулся у подножия горы, где пребывал орден Великого Небытия, его жители находились под надежным крылом бессмертных заклинателей. Навещавшие окрестности демоны обходили это место десятой дорогой, да и войны смертных обходили его стороной. Обыватели здесь жили в сытости, покое и довольстве.

В эти дни по улочкам городка было не протолкнуться: разнеслась весть, что в ордене Великого Небытия вот-вот начнется великое состязание учеников. Прослышав об этом, толпы мирян, мечтающих о бессмертии, и бесчисленные бродячие заклинатели потянулись к подножию горы, заполнив Городок Безмятежности до отказа.

Как правило, после столь суровых испытаний ряды воспитанников великих орденов заметно редели — те, кто уступал соперникам в мастерстве, нередко гибли или получали тяжелые увечья. Чтобы восполнить потери, старейшины объявляли о новом наборе.

Именно за этим шансом и устремились в Городок Безмятежности бродячие заклинатели и простые люди. Орден Великого Небытия по праву считался величайшим в мире заклинателей. Стать его частью — пусть даже получить скромный статус ученика внешнего круга — было пределом мечтаний для любого одиночки, вынужденного выгрызть ресурсы для развития своими силами.

Для обычных же смертных восхождение на стезю самосовершенствования означало мгновенный взлет к небесам. За право устроиться хотя бы простым чернорабочим или слугой в резиденцию ордена шла жестокая борьба.

Наплыв искателей счастья несказанно обрадовал местных торговцев и ремесленников. Всего за несколько дней владельцы постоялых дворов, трактиров и уличных лотков сколотили приличное состояние, набивая свои кошельки до отказа.

Но сегодня хозяйке единственного в городе питейного заведения пришлось столкнуться с крайне непростым гостем.

— Ув... уважаемый гость... — заикаясь, выдавила она. На ее изборожденном морщинами лице проступило жалкое подобие улыбки. — Чего изволите заказать?

Перед ней стоял совсем молодой мужчина. На нем было полуночно-черное ханьфу, расшитое по подолу тонкими серебряными нитями. Юноша обладал утонченными, но мертвенно-бледными чертами лица, словно никогда не видел солнечного света. Его темные глаза были полуприкрыты, выдавая крайнюю степень утомления и безучастности.

Поначалу хозяйка едва не приняла его за сбежавшего из родительского гнезда отпрыска знатного клана.

Однако благородные господа строго чтут этикет и уделяют излишнее внимание мелочам: их наряды всегда безупречны, а на поясах красуются дорогие подвески. Этот же путник не удосудился даже собрать волосы заколкой-гуань или шелковой лентой, позволив им небрежно рассыпаться по плечам.

Его пряди отливали невероятной, почти неестественной чернотой, под стать которой были и брови, словно выведенные на бледном лбу взмахом кисти с тушью.

Сочетание призрачно-белой кожи и этой беспросветной тьмы волос пугало. Хозяйка постоянного двора, сама не зная почему, чувствовала, как по ее спине пробегает ледяная дрожь.

Незнакомец держался прямо, но от его фигуры веяло такой угрозой, словно к горлу каждого присутствующего приставили обнаженный клинок. Несмотря на ослепительную красоту юноши, никто в здравом уме не осмелился бы подойти к нему близко или даже задержать на нем взгляд.

Стоило ему переступить порог, как по залу разлилось гнетущее напряжение. Несколько робких посетителей из числа смертных, воспользовавшись тем, что хозяйка отвлеклась на гостя, торопливо бросили на столы монеты и бочком выскользнули на улицу.

Пока женщина пребывала в нерешительности, незванный гость разомкнул губы. Его голос прозвучал подобно стону струны, задевшей острую грань клинка, — мертвенно-холодный и вибрирующий:

— Вина.

Хозяйка опешила, но тут же испуганно закивала:

— Будет сделано, господин! Какое вино вам подать?..

— Всё, что есть, — он протянул руку и опустил на стойку гладкий угольно-черный камень Преисподней.

Его тонкие длинные пальцы казались слепленными из воска — в них не угадывалось ни кровинки, а сквозь призрачно-белую кожу в лучах солнца просвечивали синеватые вены.

Необычная плата не походила ни на золото, ни на серебро, ни на медь. Несмотря на глухой черный цвет, грани камня загадочно мерцали в полумраке, пропуская сквозь себя слабый свет.

Но у женщины не возникло и мысли спорить. Не раздумывая, она смахнула диковинный самоцвет в фартук и закричала прибежавшему на подмогу слуге:

— Живее! Неси сюда все запасы из погреба!

Прислужник облегченно выдохнул и поспешил за хозяйкой, стремясь как можно скорее укрыться в прохладе винного погреба.

Странный гость пугал их до дрожи: от него веяло холодом могилы, и находиться рядом с ним было свыше человеческих сил.

С уходом хозяев последние обыватели окончательно потеряли остатки смелости. Бросив на столы горсти медных монет, они торопливо покинули таверну, испуганно озираясь.

В мгновение ока в полутемном зале воцарилась тишина. Здесь остались лишь молчаливый юноша в черном ханьфу да несколько бродячих заклинателей, обладавших кое-какими духовными силами.

Юноша не обращал на них внимания. Взяв со стойки первый попавшийся кувшин, он прошел к окну и опустился на деревянную скамью. Его взгляд, устремленный на далекие горы, казался бездонным и пустым. Приподняв сосуд, он принялся пить крупными глотками.

Простое крестьянское вино было мутным и кислым, но он, казалось, не замечал этого. Он осушил кувшин до капли, и ни единая эмоция не отразилась на его восковом лице.

Атмосфера в таверне становилась все более гнетущей. Бродячие заклинатели тоже чувствовали себя не в своей тарелке, однако гордость не позволяла им бежать. Спешно покинуть заведение из-за какого-то безвестного чужака означало бы расписаться в собственной слабости, поэтому они сидели на месте, упрямо сжав зубы.

Желая разогнать сковывающий душу страх, мужчины пододвинулись ближе друг к другу и заговорили нарочито громко.

— Даос Чжан, а ведомо ли тебе, какая беда стряслась недавно в ордене Великого Небытия?

Заговорщически начал приземистый коренастый заклинатель, делая загадочные пассы

руками, дабы привлечь внимание собеседников.

Сидевший напротив него худощавый мужчина средних лет снисходительно погладил жидкую бородку:

— Да об этом на каждом перекрестке судачат! Ты про состязание учеников, что ли?

— Вовсе нет! Моя весть куда интереснее... — коренастый прищурился и понизил голос до шепота: — Говорят, прямо во время состязания на учеников ордена Великого Небытия напали.

— Как напали?! — ахнули сидевшие за столом. — Какая нечисть осмелилась творить бесчинства в самом ордене Великого Небытия? Кто посмел? Схватили ли негодяев? Много ли полегло народу?..

— Полно вам! Сам я знаю лишь то, о чем шепчутся в народе, а всей правды нам никто не откроет, — отмахнулся толстяк, утомленный градом вопросов, но тут же вновь напустил на себя таинственный вид: — Однако слухами земля полнится. Доселе в ордене Великого Небытия отродясь не бывало приглашенных старейшин... а теперь, говорят, появился некий приглашенный старейшина.

Высокий заклинатель фыркнул:

— Сказки все это! Сколько веков стоит орден Великого Небытия, там отродясь не привечали приглашенных старейшин. С чего бы им менять порядки?

— И вовсе не сказки! — обиженно пропыхтел толстяк. — Поговаривают, во время того нападения старейшина Юньхуа, младший соученик самого главы ордена, получил тяжелейшие ранения. И главе, дабы укрепить пошатнувшееся величие школы, пришлось просить о помощи великого мастера.

— Как же его звали?.. Помню, имя такое необычное... — толстяк почесал затылок, сиюсь воскресить в памяти стершиеся подробности, и наконец торжествующе выпалил: — Вспомнил! Цю Чэньчжи!

Цю Чэньчжи!

Никто из сплетников не обратил внимания, как при звуках этого имени пальцы бледного юноши у окна судорожно сжали глиняный кувшин.

Он медленно повернул голову к окну, устремив взор на вздымающиеся к небесам горные вершины. Его полуприкрытые глаза широко распахнулись — темные, бездонные, подобные заброшенному колодцу, в глубинах которого таилась непередаваемая угроза.

Бледные пальцы задумчиво очертили ободок кувшина.

— Орден... Великого Небытия?..

<http://bllate.org/book/20750/2123194>